

АННА ВЛАДИМИРОВА

Личная помощница
для монстра

18+

Анна Владимировна

Личная помощница

для монстра

<https://litres.ru/73847525>

SelfPub; 2026

Аннотация

Радислав Дорф — известный хирург-травматолог и глава клиники. Характер у него тяжелый, взгляд — едва выносимый, а высокомерия столько, что на все отделение бы хватило.

Но у меня нет выбора, кроме как согласиться стать его личной помощницей. Я уверена, что он замешан в том, что мои надежды и усилия последних лет пошли прахом. Он мне должен, и знает это. Я видела это по его взгляду, который он бросил на меня перед тем, как переступить через мои надежды и пойти дальше.

Если бы я только знала, с кем собираюсь связаться

Анна Владимирова

Личная помощница для монстра

Пролог

— Настя, ты где?

Я едва не выронила мобильный, поскользнувшись на мрачном полу бизнес-центра.

— Черт! — пискнула в трубку, устремляясь к лифтам. — Марат, я в холле уже.

— Быстрее! Уже рассаживаются все! — зашипел он и отбил звонок.

— Бегу! — просипела я не пойми кому.

Как я могу опаздывать в такой день? Сегодня решается вся судьба компании, а у меня с утра какой-то судный день, не иначе. Сломалось все, что могло сломаться — каблук, фен и такси, которое почти довезло до работы. И другое было не вызвать — дольше ждать, и бежать далеко.

Ноги уже гудели от бега на каблуках, но завидев открытые створки одного из четырех лифтов, я решила поднажать. Только, залетая в него, зацепилась сломанным каблуком и едва не рухнув носом в пол. Меня кто-то крепко схватил под руку и помог выровняться. Створки лифта закрылись.

— Спа...сибо, — тяжело выдохнула я, откидывая челку с

глаз. — Спасибо, простите...

«Ого, — подумалось мне. — Вот это мужчина! Он будто с рекламы какого-то премиального бренда сошел — шикарный костюм модного в этом сезоне цвета (я-то знаю, потому что ездила за парой таких же костюмов для Ильи Степановича), коротко стриженные темные волосы, двухдневная щетина, очки в тонкой серебристой оправе и последний штрих — холодный безразличный взгляд.

— День что-то не задался, — заговорила я, — все пошло не так с самого утра, и вас вот еще втянула. Вы меня коснулись, а это наверняка заразно, так что будьте осторожны сегодня.

Его холодное выражение лица дрогнуло, словно он и хотел бы выразить какие-то эмоции, но не смог.

— Так обычно бывает, если подсознательно саботировать предстоящее, — заметил он равнодушно и отвернулся к створкам.

Голос у него оказался низкий и немного уставший, с хрипотцой.

— Ну, нет, — улыбнулась я, лихорадочно соображая, не перешла ли я границу между непринужденной болтовней и навязчивостью, — этот день слишком важный, чтобы его саботировать.

Он не ответил. Только короткий вздох вышел у него каким-то раздраженным. Будто я глупость сморозила. Хотя, скорее, так и было.

— Ой, я забыла этаж нажать, — спохватилась я и бросилась к панели, но тут обнаружила, что мой высокомерный спаситель едет туда же.

Я украдкой глянула на его профиль, чувствуя себя крайне глупо.

— А вам в «Прайм Корпорейшн»?

— Опаздываю на совещание с главой компании, — сообщил он нехотя.

— То есть, вы тоже саботируете, — усмехнулась я.

— Определенно, — без тени усмешки подтвердил он.

— Это знание может дать мне какие-то преимущества перед вами? — пошутила я.

— Сомневаюсь. — И снова ни одной эмоции.

Кто он? Может, это руководитель компании по внешнему аудиту? Скорее всего. Марат говорил, что уже наняли кого-то.

«Ну а то, что я — заместитель финансового руководителя, никак не ставит меня на тот уровень, которому что-то важно вовремя доложить», — проворчала я про себя.

— Анастасия Алексеевна, заместитель финансового директора компании, — представилась я. — Раз уж...

Тут створки раскрылись, и мужчина молча вышел в холл, не удостоив меня более внимания, а я замерла у лифта, сжав губы.

— Чувствую, мы с вами сработаемся, — прошептала я, недоуменно глядя в спину этому всаднику моего личного

апокалипсиса.

Спасибо ему за спасение моего макияжа, конечно, а то бы тот приобрел узоры коврового покрытия в лифте. Но в остальном этот мужик — «козел высокомернус вульгарис». И отлично, что меня с ним не познакомили. Пусть босс сам с ним и работает.

Я припустила по коридору в приемную Страхова, прихрамывая на сломанный каблук. Там уже все стояли на ушах. Кроме самого Ильи Степановича.

— Настя, — выпалил Марат, оборачиваясь от двери кабинета, — принесла?

Я молча вручила ему пакет с распечатанными к собранию презентациями.

— Супер, спасибо, — с облегчением выдохнул он, заглядывая в первую папку, — идеально. Прости, что на тебя это все упало в последний момент...

Мы до трех утра перетряхивали отчеты и цифры всем финансовым отделом, а у меня одной дома был цветной принтер и скоросшиватель.

— Мне приятно, что ты извиняешься, — улыбнулась я, проходя к столу с кофеваркой. — Последний рывок, да, Марк?

— Слушай, черт его знает, — вдруг с сомнением ответил он, и я обернулась. — Степаныч странный какой-то сегодня...

— Ну, у всех стресс...

— Тут что-то другое, — покачал он головой, поглядывая на двери, — будто не стресс, а принятие полного краха.

— Да ну, какого краха? — округлила я глаза. — Вся антикризисная программа согласована, будем выгребать долго, но делать нечего...

Да, Страхов какой-то пришибленный последнюю неделю, но оно и понятно — у нас кризис в отрасли бушует, и столько компаний уже потонуло, что верить в улучшение ситуации не приходится. Но делать нечего, только тянуть.

Я обнаружила, что гляжу на струйку из кофеварки не моргая и не могу найти в себе силы пошевелиться. Все мы устали. Но скоро Новый год, каникулы, салаты, сон, саботаж...

— Настя...

Я вздрогнула.

— В зал совещаний, — кивнул мне Марат, и я, забыв про кофе, направилась за ним, подхватив свой портфель.

Нужно только успеть сменить туфли. Хорошо, у меня всегда были запасные на работе.

— А мое начальство не видел? — поинтересовалась я, догоняя Марата у входа в зал.

— Со Страховым сидит в офисе. Но приказали рассаживаться.

Я пожала плечами и потерла напряженную шею. На этом мои дела в этом году окончены. Осталось проспать с открытыми глазами итоговое совещание, выпить кофе, подбить документы, составить планы на январь, выслушать пожелания

коллег... А, это завтра. Черт, как же я не хочу сюда завтра! Может, заболеть?

Но стоило мне перешагнуть порог зала совещаний, я застыла, уперевшись взглядом в темную фигуру уже знакомого мне Козла-из-лифта. Он стоял у окна напротив, не придавая значения наплыву сотрудников.

— А это кто? — приостановила я Марата.

— Где?

— У окна.

Марат сузил глаза на незнакомце.

— А, это Василий Павлов.

— Что? — поморщилась я. — Кто?

— Ну, представитель партнеров. Он часто на неделе встречался со Страховым. Неформально в основном.

И Марат унесся контролировать готовность всех к заседанию, а я так и осталась стоять, прижимая к груди портфель. Что тут делает представитель партнеров, если это внутреннее мероприятие? Но не мне решать.

Я заняла свое место и принялась украдкой наблюдать за мужчиной. Каких именно партнеров он тут представляет?

Только в этот момент он вдруг обернулся от окна и устремил свой взгляд прямо на меня. И я невольно сглотнула вставший в горле ком. Какой тяжелый у него взгляд... Хотя, это, скорее, мои некрепкие нервы. И недосып. Я было хотела отвернуться, но от его такого внезапного пристального внимания мне будто мешок с гранитной крошкой на плечи опу-

стили.

Он отвел взгляд первым. Ладно, немного осталось продержаться. Буквально чуть-чуть.

— Дорогие коллеги! — донеслось от двери, и в зал ворвался глава компании Страхов.

Ну, как, ворвался... Скорее, вкатился, учитывая невысокий рост и количество лишнего веса. Если бы не эти два обстоятельства, мне не пришлось бы бегать по городу с его костюмами... За ним явился и мой начальник, но в зал так и не прошел — застыл с каким-то стеклянным взглядом на входе, сложив руки в карманы. Я редко видела его таким. Все это не нравилось.

— Вынужден сделать наше совещание максимально коротким, — нервно возвестил Страхов, останавливаясь у своего кресла во главе стола. — Компания «Прайм Корпорейшн» начала процедуру банкротства.

— Дорф, — хмуро ответил я, прикладывая мобильник к уху.

— Здравствуйте, Радислав Романович. Как все прошло? Я знал, что куратор объявится, стоит мне выйти из здания.

— Страхов объявил о банкротстве компании, — холодно сообщил я. — Как вы, должно быть, знаете.

— Нет, эта информация пока что только в вашем распоряжении. Он ведь мог передумать. Вероятно, вы поэтому рискнули и явились на встречу лично?

Мое появление в его компании было большим стратегическим промахом. Но я хотел прийти. И надеялся, что все будет как раз наоборот, и Илья передумает... Но он пошел до конца.

Не дождавшись моего ответа, куратор вздохнул:

— Я бы хотел предложить вам супервизию. Снова.

«Подавитесь вы своей супервизией, а комплексное сотрудничество засуньте в зад!» — подумал я с такой злостью, что аж голова заболела.

— Я могу вернуться к своей обычной жизни? — поинтересовался я неприязненно, направляясь к машине. — Моя задача выполнена?

— Да, можете, — со вздохом подтвердил куратор. — Спасибо за сотрудничество. Финансовую благодарность получите сегодня до вечера по прежним реквизитам.

Я лишь усмехнулся. Финансовая благодарность от правительственного отдела по разрушению чужих жизней мне тоже не была нужна. Но ни от первого ни от второго я отказаться не мог.

Глава 1

Полгода спустя

Я неслась, сломя голову, через вечерние пробки и пыталась дозвониться до Ангелины, но тщетно. Понятно, что ребенок, которому сломали руку, может быть не в состоянии ответить, но хоть бы кто-то мог там принять звонок?!

Мне позвонили из спортивной школы в восьмом часу

вечера и сообщили, что Ангелина получила травму, и ее на скорой отвезли в травмпункт. И с этого момента жизнь кувыркнулась перед глазами, а способность успокоиться и трезво мыслить, которой я гордилась в обычной ситуации, отказала.

— Ох, ну наконец-то! — выдохнула я, когда мобильник зазвонил, но это оказалась Рита.

— Насть, ну что? — выпалила подруга в трубку.

— Ангелина не отвечает, а мне еще минут тридцать добираться.

— Слушай, я рассказала нашему главному, и он направляет вас в частную травматологию. Он уже позвонил главе клиники и договорился. Я тебе скину адрес. Хорошо?

Я задышала чаще. Мысль, что с Ангелиной что-то настолько серьезное, так била по рукам, что те взмокали и начинали дрожать.

— Насть?

— Да, Рит, — выдохнула я дрожащим голосом, — я слышу. Поедем туда.

— Забирай нашу деточку и вези в клинику. Я подъеду, как освобожусь.

— Спасибо, братан.

— Не за что! Держись!

— Я в норме, — соврала я ей и себе.

Сложно быть в норме, когда вечер наполнен жуткими флешбеками. Такой звонок я уже однажды получила. И все

будто повторяется — я несусь через город, а сотовый сестры молчит... Но тут моя мобилка снова зазвонила, и на этот раз высветилось имя Ангелины. Я схватила аппарат так, что тот едва не вылетел под ноги.

— Черт! — выругалась я. — Ангел?

На том конце слабо усмехнулись:

— Так черт или ангел?

— Как ты?

— Насть, все нормально, — ответила Ангелина слабым голосом. — Ты только не нервничай. И не превышай скорость, пожалуйста.

— Хорошо, — хрипло прошептала я.

— Обещай, что не спешишь и смотришь на дорогу, — настаивала она.

— Я смотрю, — просипела я на вздохе. — Что там?... Что там с тобой?

Она судорожно вздохнула.

— Я, честно сказать, не смотрю, — призналась сипло. — Руку как-то зафиксировали, меня чем-то укололи таким, что спать хочется. Но болеть стало меньше.

— А что врачи говорят? — забеспокоилась я сильнее.

— Перелом неудачный. Кость раздроблена. Осколки травмировали сосуды и ткани.

Я прикрыла на мгновение глаза, пытаясь это все представить и принять. Внутри меня все кричало, что этот ее экстрим рано или поздно должен был кончиться трагедией. Ну

как так можно было сломать руку, чтобы и кость раздробить? Но все это осталось за зубами, а Ангелине я лишь сказала, что буду с минуты на минуту.

— Мне определенно светит операция, — продолжала Ангелина. — Но тут кипишь какой-то, и на вопрос, когда будут оперировать, не отвечают. А еще тут со мной парень с тренировки, так что я не одна.

— Так. Уже вижу здание, — сообщила ей я. — Скоро буду.

Парковка действительно забита, но я бросила машину как пришлось и поспешила в больницу. Найти кого-то оказалось непросто. Ангелину я обнаружила на одной из кушеток в приемном покое. Рядом с ней и правда сидел какой-то паренек, который сходу принялся докладывать все, что слышал тут от врачей.

— Сказали нам ждать тут, когда хирург подойдет, — резюмировал он, а я все смотрела на Ангелинку.

— Сейчас поедem в другую больничку, — сообщила ей я. — Найду кого-нибудь и заберу тебя. Хорошо?

Она кивнула. Руку ей примотали к туловищу, и Ангелина боялась лишний раз глубже вздохнуть. Я ободряюще ей улыбнулась и понеслась искать кого-то, кто отпустит нас, но в отделении царил какой-то хаос, и я, побившись в закрытые двери главы отделения и ординаторской, забрала Ангелину вместе с мальчишкой и повезла их в клинику, в которой нас уже ждали. Парень все это время утешал Ангелину, держа за

здоровую руку.

— Ты не бойся только, — бубнил он позади, — все хорошо будет. Заживет, и сможешь снова кататься на борде...

— Давайте мы это позже обсудим, — недовольно вставила я, бросив гневный взгляд в зеркало заднего вида.

— Насть, Гарик просто пытается меня поддерживать, — слабо парировала она. — Я забыла вас познакомить.

— Значит, Гарик, — констатировала я, мысленно костеря себя за несдержанность.

Ну не до моих нравоучений ей.

— Да. И это я сбил Ангелину своим скейтом, — признался он.

— Не надо было этого говорить, — меланхолично заметила Ангелина.

— Тебе плохо? — насторожилась я.

— Болеть снова начинает, — со стоном отозвалась она. — Гарик, а Настя — моя тетя. Но после гибели мамы в автокатастрофе Настя мне — как старшая сестра.

— Приятно познакомиться, — вежливо отозвался Гарик, а я осторожно нажала на педаль газа.

К счастью, клиника оказалась недалеко, и уже через сорок минут мы въезжали на парковку.

— Рита, — набрала я подругу, поддерживая Ангелину под здоровую руку, — куда нам?

— К регистратуре идите, вас там ждут. Я выезжаю. Как она?

— Так себе. Ждем тебя.

— Это тетя Рита? — вздохнула Ангелина, припадая на мое плечо едва ли не всем весом.

В свои шестнадцать она казалась уже совсем взрослой не только внешне. Гибель матери заставила ее быстро повзрослеть. Но и весила племянница тоже как взрослая, а для миниатюрной меня это стало едва допустимой нагрузкой.

— Гарик... — просипела я, и парень шустро подставил второе плечо.

Вместе мы довели ее до регистратуры, где нас действительно сразу встретила бригада врачей.

— Вам нужно будет заполнить документы, — затараторила мне медсестра, пока Ангелину укладывали на каталку. — Радислав Романович подойдет чуть позже...

— А кто это?

— Это — глава клиники и ведущий хирург. Он возьмется за вашу дочь лично.

Я не стала ее поправлять. Мой взгляд был прикован к Ангелине на каталке. Она прикрыла глаза, болезненно хмурясь, а я чувствовала, что едва справляюсь со страхом ее потерять.

— Скажите, это ведь ничего? — тихо спросила я медсестру. — Ничего ведь плохого?

— Не беспокойтесь, — улыбнулась она мне вежливо. — Радислав Романович — лучший хирург-травматолог в Москве. Подождите здесь, пожалуйста.

Ангелину вкатили в двери с надписью «Хирургический

корпус», а я растеряно застыла в коридоре, тяжело дыша. В груди взорвалось от тревоги, паники и ужаса. Напомнить себе, что у нее всего лишь сломана рука и ее не поломало в аварии, как когда-то сестру, не выходило.

— Можно я останусь? — послышалось позади.

Я обернулась и отстраненно кивнула Гарику.

— Хотите что-нибудь?

— Нет, спасибо...

Я прислонилась к стенке возле створок дверей и уставилась перед собой. Сколько так простояла, не знаю. В отличие от государственной клиники, тут было слишком тихо, и не отвлечься от страха за жизнь Ангелины. Но даже чьи-то шаги не привлекли мое внимание до тех пор, пока в поле зрения не попал высокий мужчина в халате. Он стремительно прошел мимо и исчез в хирургическом отделении, а я так и замерла, округлив глаза.

Его профиль я помнила слишком хорошо. С ним связан тот день, после которого я все никак не могу прийти в себя, хотя прошло полгода. Белый халат на нем смотрится непривычно, но это точно он!

Поддавшись порыву, я отлепилась от стенки и бросилась к створкам, но в узких окнах виднелся лишь пустой коридор. Не может быть.

Наверное, все же показалось...

Рита влетела в коридор на такой скорости, что едва не

снесла двери хирургического. Я всегда завидовала ее способности носиться весь день на каблуках будто в удобных кроссовках. Даже сейчас после смены в больнице она выглядела с иголочки — стильный светлый плащ развивается, как у феи, туфельки звонко стучат, а выющиеся волосы пружинят в такт, как в рекламе шампуня.

— Вот ты где! — выпалила она, заведя меня на диване, и устремилась к нам с Гариком, продолжая на ходу: — Ну что? Где Ангелина?

— Жду. — Я выпрямилась и едва не вскочила, чтобы снова начать мерить ногами зону ожидания.

Гарик только лицо от мобильного поднял, поздоровался и снова выпал из реальности. Бесил.

— Гарик, может, ты поедешь? — не стала скрывать раздражения я. — А то поздно уже. Я если что узнаю, сообщу.

— Ладно, — с готовностью закивал он, ничуть не смущаясь. — Запишите мой номер...

Когда он ушел, я перевела взгляд на Риту.

— Ну как ты? — Она положила мне руку на запястье и крепко сжала.

От нее пахло лекарствами и антисептиком.

— Нормально, — просипела я и вскинула взгляд к потолку, чтобы сдержать слезы. — Нервы что-то совсем...

— Ну это нормально. Главный не подходил?

— Кажется, прошел. Но я пока добежала, он уже исчез. Наверное, к Ангелине спешил.

— Ладно, сейчас нашему позвоню, чтобы он...

— Слушай, не дергай, — осадил я ее. — Думаю, как только что-то выяснится, меня найдут. Медсестра сказала ждать здесь.

Рита глубоко вздохнула, согласно кивая.

— Ладно. А что случилось?

— Да вот этот милый молодой человек, который только что ушел, сбил Ангелину на скейте. — Я снова оперлась локтями о колени и свесила голову, стараясь дышать ровнее. — Наверное, и сверху упал, раз там кость раздроблена. Будто машина переехала, а не скейтборд!

— Насть, — укоризненно глянула на меня подруга, — все хорошо. Никто Ангелину не переехал.

Я протерла лицо:

— Да...

Она положила мне ладонь на спину и ободряюще потерла между лопаток:

— Все будет хорошо.

Ненавидела эту фразу. Никто не может знать этого наверняка. А я помнила то опустошающее чувство, которое она оставляет. «Все будет хорошо». Люди, которые это обещают, будто выносят себя за скобки уравнения, лишают тебя поддержки, внимания и самоустраиваются. И ты остаешься с этим один... Но только не Рита, конечно. Она всегда рядом...

— Насть?

Я моргнула и выпрямилась:

— Нормально все со мной. С Ангелиной не должно что-то случиться, это всего лишь рука... — И, чтобы как-то отвлечься, я повернулась к Рите и усмехнулась: — Представляешь, мне на стрессе показалось, что я этого главного хирурга знаю...

— Откуда?

— Похожий на него тип приезжал к генеральному в тот день, когда объявили о банкротстве «Прайм Корпорейшн». Мне посчастливилось влететь в лифт вместе с ним и оказаться в его руках. — Я усмехнулась. — Он не дал мне упасть лицом в пол. Но когда я решила завязать с ним знакомство, отказался представиться и свалил в туман.

— Какой противоречивый персонаж.

Я нервно прыснула. Рита несколько месяцев борется с привычкой грязно ругаться, и ее фразы, заменявшие ей матерные слова, вызывали у меня приступы хохота. Уж не знаю, зачем она решила возвыситься над персоналом больницы... хотя, ну почему нет? Бросать себе вызовы полезно.

— Это точно, — согласилась я, отсмеявшись. — Видимо, настолько произвел на меня впечатление, что уже и тут померещился.

А вот Рита погрустнела. Она не одобряла мои упаднические настроения, длящиеся вот уже полгода. Подруга пыталась расшевелить, даже приглашала в их клинику в отдел финансов. Но у меня опустились руки. Я будто нарочно нахо-

дила какие-то убогие компании, отработывала там по месяцу и увольнялась. Ничего во мне не загоралось больше, как на прежней работе. Все же «Прайм Корпорейшн» стал моей второй семьей, и от этого так быстро не оправиться.

Когда послышался стук дверей отделения, я вздрогнула и вскинула голову. А когда увидела того самого доктора, напомнимшего мне о встрече в лифте, ноги задрожали, и я еле совладала с собой, чтобы подняться. Он направлялся к нам, глядя в карту, а когда поднял взгляд, время между нами застыло.

Мне не показалось. Это совершенно точно тот самый тип из лифта! Представитель партнеров, как сказал Марат. Я забыла о нем сразу, как Страхов сделал ключевое заявление на совещании. И вот он здесь. Только смотрит на меня также, как и тогда в лифте — отстраненно, холодно и высокомерно.

— Анастасия Алексеевна, — знакомым голосом зовет меня по имени.

— Да, — хрипло отвечаю я, не спуская с него вопросительного взгляда.

— Я — Радислав Романович, лечащий врач вашей племянницы Ангелины. Пройдемте?

И ни одного намека на то, что узнал меня!

— Я подожду, — бросила мне Рита, но я едва отметила это, направляясь за этим доктором как замороженная.

— Что с ней? — задала главный вопрос, стоило нам поравняться.

Он быстро шагал по коридору, не заботясь о том, что я почти бегу рядом.

— Вам нужно подписать разрешение на операцию, — ответил прямо. — На рентгене пока что не видно чего-то угрожающего, но время упущено. Ткани разорваны, есть повреждение сосудов...

— Все плохо? — просипела я, напрочь забыв обо всем.

Стало плевать, кто он и где мы там виделись. Сейчас от него зависит здоровье Ангелины. Только он промолчал. А я напрочь забыла его имя. Странное такое еще...

— Почему вы не отвечаете? Так плохо? — допытывалась я.

— Послушайте, Анастасия Алексеевна, — он вдруг остановился и повернулся ко мне, — я не сказал, что все плохо. Я не могу пока ничего сказать. Мне нужно сейчас две вещи — получить ваше разрешение на операцию и провести ее как можно быстрее.

У меня похолодело все внутри. Я застыла, глядя на него большими глазами, но кое-как нашла в себе силы кивнуть:

— Я подпишу.

— Хорошо.

А дальше все было как в тумане. Я даже не запомнила, где кабинет у этого доктора. Он завел меня куда-то, сунул бланк, который я не удосужилась прочесть, и забрал, стоило мне поставить роспись.

— Вас проводят в палату, приготовленную для Ангелины.

И он ушел, а я прислонилась к стенке, обняв себя. Так меня и нашла Рита с медсестрой.

— Насть, что такое? Что он сказал? — трясла меня Рита за плечо.

— Сказал ждать, — просипела я.

— А еще?

— Ничего.

— Вы не переживайте, — взялась утешать меня медсестра — молодая девушка приятной угодливой внешности, — Радислав Романович — лучший хирург-травматолог, который мог бы сегодня оперировать вашу сестренку. Он по характеру не общительный, но зато в деле его никто не может превзойти.

Ее слова странным образом меня приободрили. Да, наверное, не могут люди быть хороши во всем. Кто-то языком мелет профессионально, а кто-то — молча работает. Я вот не умею ни того, ни другого.

— Мне можно с ней? — спросила Рита.

— Конечно.

Нас проводили на другой этаж, где располагались послеоперационные палаты.

— Слушай, Насть, — понизила Рита голос, когда медсестра удалилась, оставив нас одних в палате, — по поводу оплаты. Наш главный договорился о максимальной скидке для вас с Ангелинкой.

Я посмотрела в окно на ночной город.

— Ритуль, у меня есть деньги, не переживай. Но от скидки я не откажусь. Спасибо большое и тебе и твоему боссу. Как выкарабкаемся, обязательно заедем к вам.

— Хирург не сказал, сколько будет длиться операция?

Я отрицательно мотнула головой:

— Братан, езжай домой. Ну нет тут смысла оставаться...

— Я думаю о другом. Поеду к тебе, соберу сумку, чтобы ты не дергалась. Тебе тут ночевать, а одеться не во что.

— Рит...

— Не обсуждается, братан. Вы с Ангелом — моя семья. И вам нужна забота.

Я покаянно вздохнула, подошла к ней и обняла, проскулив благодарность.

— Пока буду ехать, напиши мне список, — попросила она на пороге палаты. — И верь в лучшее! Не паникуй!

— Так точно, — кивнула я вымотано.

Есть такие люди, от которых не закрыться...

Чувство падения в их эмоции напоминает прыжок в холодную воду с высоты, а осколки чувств впиваются в кожу ледяными иголками. Когда я понимаю, что именно приходится им пережить, становится поздно. Я становлюсь соучастником, который знает все наперед, но не может сказать ни слова. И это разрушает.

С ней было также. Когда я не дал ей упасть в лифте, у меня сжалось все от горла до грудной клетки, а в мозгу ка-

лейдоскопом замерцали ее эмоции — страхи, ожидания, надежды... Надежд там было столько, что я ослеп на несколько вздохов. И все они были связаны с тем днем, в который мы встретились.

Только подобных историй я могу вспомнить не одну, и даже не десяток. Я привык к таким людям, и просто стараюсь держаться от них подальше. Как правило, мне это удается. Но только не сегодня.

Сегодня мы встретились с Настей снова.

Да, мне не стоило приезжать лично к Страхову в тот день. Но он очень просил его поддержать, а супервизией я, к сожалению, не пользуюсь. И это, конечно же, ошибка. Но мне не хочется избавляться от чувства вины, которое тянется шлейфом после каждого дела. Я хочу с ним жить и помнить о последствиях. Ведь кто-то же должен помнить? Правительству, которое распоряжается моей сверхспособностью и разрушает ей чужие жизни, плевать на случайных жертв. А я так не хочу. Чувства делают нас людьми, и я хочу оставаться человеком.

— Радислав Романович, пациентка стабильна.

Я бросил последний взгляд на девушку на столе и развернулся к выходу. Операция прошла без неожиданностей, и в глубине души я был этому рад больше допустимого. Я знал, что в день нашей встречи отобрал у Анастасии Алексеевны больше, чем работу. И какая-то часть меня выдохнула от облегчения, что ее племянница поправится и даже останется с

рукой, хоть и понадобится реабилитация. Другая часть, которая отвечает за реальную оценку действительности, напояла, что все это — не моя вина. Людям нужно быть гибче. Любые закрытые двери гарантируют, что где-то открыты другие. Даже если бы ее племянница лишилась руки или чего похуже, все это — не моя вина. Я сделал все, что должен. И на этом все.

Когда я вышел из операционной, было около полуночи.

— Радислав...

Я не обернулся, но Лоле не впервые бегать за мной на шпильках, не упуская возможности продемонстрировать мне свои ноги и задницу, обтянутую узкой юбкой.

— Я вообще-то зову тебя, — укоризненно заметила она, догнав меня в коридоре.

— Задумался. И устал, — бросил я, устремляясь к лифту.

— Я как раз об этом...

Бросив взгляд на Лолу, я не нашел в ней ничего нового — идеальный макияж, безупречная укладка обесцвеченных волнистых волос, дорогой парфюм. И мне вдруг стало до боли противно от чужой предсказуемости. Лола, к примеру, предсказуемо будет склонять меня к поездке в ее квартиру, где она снимет мою усталость любым доступным ей способом...

— Поехали ко мне.

Захотелось глотка свежего воздуха.

Ну и что мне, казалось бы, нужно? Лола — красотка,

неплохой хирург, амбициозная хваткая карьеристка в поиске альфа-самца под стать ее сумочке. Но, когда интереснее не давать женщине то, чего она жаждет, чем быть с ней, — это не та женщина. Она меня слишком хотела, и все в ней было «слишком». Но самое дерьмовое — мне было слишком просто «не слышать» ее. Я находился с ней в такой тишине, будто меня запихнули в гроб и закопали под землю. Что может быть хуже? Ни надежд таких масштабов, чтобы в глазах искрило; ни привязанностей, от тепла которых кажется, что на грудь кота положили; ни целей дальше, чем собственное отражение в зеркале.

Но Лоле этого не объяснить. Ее возня в моем поле зрения не вызывала никаких эмоций, и я перестал обращать на нее внимание.

— Не могу, — устало возразил я. — Нужно карту заполнить и за пациенткой проследить...

— У тебя же есть, кому проследить, — раздраженно напомнила она. — Радислав, может, хватит так себя загонять?

Я бросил на нее короткий взгляд:

— Загонять?

— Ты работаешь на износ уже месяц. Мы не видимся толком. — Она услужливо нажала кнопку лифта передо мной. Ну как собака, ей богу. — Ты не думал, что у тебя депрессия от выгорания?

Я бы усмехнулся этой глупости, но она звучала слишком скучно. Иногда мне хотелось сказать Лоле, что я не могу ее

даже «прослушать». Что она настолько пустая внутри, что если ее встряхнуть за волосы вниз головой, ничего в ней не звякнет. Какая ирония! Ведь чем «тише», тем должно быть лучше для меня. Ни одна ее эмоция не проберется в мою голову. Лола всегда будет «молчать». Но нет. Это — тоже не то, что нужно.

— Что смешного? — надулась она.

Значит, я все же не сдержал усмешки.

— Таким мужчинам, как ты, свойственно недооценивать собственную усталость, — заботливо продолжила она. — А потом часто бывает поздно.

Я впился в нее взглядом с ожившим интересом. Неужели в ней есть что-то живое? Но нет. Лола просто выдала мне чужой вывод, подобранный в каком-то развлекательном источнике.

— Продолжу недооценивать свою усталость, — сообщил ей холодно и вышел на нужном этаже. — До встречи.

И я направился к нужной мне палате. Сюда Лола за мной точно не пойдет.

Глава 2

Настя сидела на кровати и смотрела в окно. На мое появление в палате она сильно вздрогнула, попыталась подскочить, но едва не упала снова, как в тот день в лифте. И я опять поймал ее, на этот раз — всю. Она повисла в моих руках, растерянно моргая, но тут же выпрямилась:

— Как Ангелина?

— Все хорошо.

И снова колючие брызги ее чувств взлетели в воздух между нами. У ее эмоций было нечто особенное, поэтому я и запомнил ее. Она все хочет казаться взрослой, запрещает себе чувствовать и сдерживает душевные порывы. Но когда они просачиваются, как воздух из шарика, ее захлестывает с головой... Когда она впервые упала в мои руки, с ней случился этот порыв, и меня накрыло вместе с ней. Это было...

...как глоток свежего воздуха.

— Хорошо? — переспросила она и задышала чаще.

— Да. Операция прошла без неожиданностей, но реабилитация займет какое-то время.

— Ладно, — закивала она. — Понятно.

И вдруг снова заискрила прямо как тогда в лифте, а из ее глаз потекли слезы.

— Спасибо, — просипела она.

— Не за что. Ваша племянница была прооперирована по системе страхования бесплатно. Все расходы включены, в том числе и на ваше здесь пребывание.

Я должен ей. Мне редко когда выпадает возможность что-то исправить. И я ее не упущу.

Настя удивленно посмотрела на меня. Не привыкла к подаркам. Взгляд девушки потемнел — видимо, решила, что это какая-то ошибка. Ну еще бы...

— А с чем это связано? — неуверенно поинтересовалась. И вся сжалась, съежилась. Будто я ее выгнать собрался, а не

устроить тут в комфортной палате с удобством.

— В клинике это практикуется, — спокойно объяснил я.
— Вам не стоит ни о чем переживать, кроме реабилитации племянницы.

В коридоре послышалась возня, и я, не дождавшись реакции Насти, прошел к двери палаты и распахнул ее перед каталкой. От меня не укрылось, как Настя застыла, пока мы устраивали ее племянницу на койке. Когда медперсонал удался, я принялся подключать пациентку к приборам и проверять ее состояние, уговаривая себя не втягиваться в то, что чувствовала сейчас Настя.

Но я не смог.

— Вы можете подойти. Не бойтесь, — тихо предложил я, продолжая делать свою работу.

Настя послушно шагнула к койке, а я подкатил ей стул.

— Ваша племянница скоро придет в себя, и вы убедитесь в том, что с ней все в порядке.

— Сложно... поверить, — выдавила она смущенно.

— Понимаю.

— Простите.

— Не извиняйтесь. — Я поправил провода приборов. — Я оставлю вам свой мобильный. Если будут любые вопросы — звоните.

— А что мне делать сейчас?

Я обернулся, встречаясь с ее взглядом. Да, все мы боимся пережить боль снова. И это лишь растягивает болезненный

момент, вынуждая трястись и держаться на расстоянии. Настя, хоть и стояла рядом, находилась здесь будто из последних сил.

— Просто быть здесь, — как можно мягче ответил я, внимательно глядя в ее лицо. — Все остальное — забота врачей.

— А если что-то случится?

— Приборы дадут знать. Вам не нужно слушать ее дыхание или быть начеку. Вам нужно отдохнуть. Слышите меня?

— Да, — и она отвела взгляд.

— Хотите, я могу назначить вам препарат, чтобы вам было легче пережить сегодняшнюю ночь?

— Нет, — усмехнулась она, — зачем?

Ненавидел эту черту у людей — делать вид, что со всем справятся, и поддержка им никакая не нужна. Ну, признаваться в слабости тоже нужно уметь.

— Уверены? — надавил я. — Вам понадобятся силы.

Ее взгляд дрогнул.

— Настя, легкое успокоительное вам не помешает. Вы нужны себе сильной.

Или стоило сказать, что она нужна сестре? Так было бы привычнее?

— Нет, я справлюсь, — замотала она головой, и я отвернулся, скрипнув зубами.

— Я буду в клинике. — Решение ночевать здесь пришло спонтанно, но не удивило. Захотелось остаться рядом. — Звоните если что, ладно?

Она кивнула, переводя взгляд на койку, а я вышел и направился по коридору, «дослушивая» ее на ходу. Она любила племянницу искренне, по-матерински, и страдала от того, что материнского набора влияния у нее нет. А вот сердце ее рвалось от страха за девочку полноценно.

Куда делась настоящая мать пациентки, я не мог знать. Но то, как боится Настя смотреть на койку, наталкивает на мысли, что она это уже видела, только кончилось все иначе. Она меня почти не слышит, когда я уверяю, что все наладится. Скорее всего, кого-то близкого она так уже потеряла, раз осталось столько боли. И, вполне возможно, эта потеря — и есть мать девочки.

Дойдя до последней палаты, я развернулся и направился в обратную сторону, злясь на себя. Какого черта я лезу в это? Я уже оказал ей помощь, еще и остался караулить, и, похоже, буду это делать до самой выписки!

Конечно, я не могла заснуть. Лежала на диване, который для меня застелили, и пялилась на Ангелину. Время от времени ее приходили проводить медсестры. Я вскинулась пару раз, задремав, и бросила попытку уснуть. Достала из сумки, которую привезла Рита, ноутбук, наушники и устроилась так, чтобы видеть Ангелину с приборами. Но так и не запустила ни кино, ни музыку, а все сидела и смотрела, слушая звуки больницы.

Так странно, что этот хирург ни слова не говорит о нашей

встрече в лифте...

Но, так и я о ней молчу. Мне не до этого.

А ему, должно быть, все равно.

Может, Марк ошибся?

Но этот Радислав совершенно точно был в зале совещания. Зачем?

Бред какой-то. Как такое могло быть?

В какой-то момент я засмотрелась в окно, а когда повернула голову к кушетке, сжалась от неожиданности. Рядом с Ангелиной стоял он. Радислав.

— Что-то случилось? — обеспокоилась я, подсакивая.

— Вы почему не спите? — сурово потребовал он, даже не глянув на меня.

Наверное, привычка не отвечать на вопросы и вовсе не смотреть на собеседников у него взялась вот отсюда. Ему всегда есть, куда посмотреть с большей пользой, чем тратить время на взбалмошных родственников.

— А вы? — зачем-то переспросила я, но тут же стушевалась: — Простите, я не хотела. Не могу уснуть.

— Вы пережили стресс, — заметил он. Вернее, я так подумала прежде, чем он добавил: — Потеряли кого-то в прошлом?

Я замялась ненадолго.

— Моя сестра и мама Ангелины пострадала в аварии. Наверное, поэтому... мне так страшно сегодня.

— Бояться нормально.

— А когда она очнется?

— Утром. Сейчас она просто спит.

— Ей будет больно?

— Конечно. Но она справится, а мы будем облегчать боль препаратами.

— Понятно, спасибо. За все, и за то, что зашли...

— Не благодарите меня, — неожиданно хрипло возразил он, не отрывая взгляда от карты.

— Почему? — растерялась я.

— Я делаю то, что в моих силах, — глянул он на меня, как мне показалось, немного растеряно. — Это — моя работа.

— Благодарным быть полезно и правильно, — возразила я тихо. — Радислав Романович, я же... мы же виделись с вами...

— Да, — как ни в чем не бывало, согласился он, убрал папку на полку и направился к выходу из палаты.

— Просто «да»? — вырвалось у меня, и он замер в дверях, оборачиваясь. — Мой коллега сказал, что вы — партнер компании «Прайм Корпорейшн», и имя у вас было другое...

— Правда? — удивленно вздернул он бровь. — Другое имя?

— Да, — неуверенно подтвердила я.

— Илья — мой друг. Он просил меня прийти в тот день, чтобы поддержать. Сказал, что принял сложное решение, которое изменит всю его жизнь...

— Не только его, — вставила я обескуражено.

— Вероятно, так и есть, — согласно кивнул он. — Наверное, не хотел, чтобы кто-то знал, что он позвал друга поддержать его за руку в сложный момент.

— Вы держали его за руку? — зачем-то переспросила я.

— Я образно.

А я откинулась на спинку дивана, чувствуя себя опустошенной.

— Вы поэтому сделали операцию бесплатно? По знакомству?

— Да.

Я почувствовала себя глупо. Стало как-то противно и обидно, что Страхов пригласил друга, чтобы его поддержали... но никому не сказал, чтобы нас тоже кто-то поддержал. Будто он только свою жизнь изменил тем решением, а все остальные — так...

— Вы злитесь на Илью, — неожиданно заметил Радислав.

— Это не имеет смысла, — усмехнулась я. — Компания была его, ему и решать...

— Считаете это предательством.

— Что-то вроде того...

— Мне жаль.

— Просто вы не должны расплачиваться за его решения. Не должны были делать операцию бесплатно.

— Это — не подачка, Анастасия Алексеевна, — жестко возразил он. — И давайте закончим разговор. Ложитесь спать.

Я и правда смогла уснуть ненадолго. Утром меня разбудил стон Ангелины, и я подскочила к ее кровати. Тут же в палату вбежала и медсестра, и мы развели суету.

— Как ты? Болит? — допытывалась я у племянницы.

Ангел только сонно моргала некоторое время, и я начала нервничать все больше, чувствуя себя на грани паники.

— Да нормально все, — прохрипела, наконец, она. — Пить хочется.

— Да-да, сейчас, — бросилась я к тумбочке, бросая на ходу медсестре: — Вы позовете хирурга?

— Если вы настаиваете, — растерялась она. — Но показаний для вызова врача нет.

— Ладно, — смутилась я.

— Все хорошо, не переживайте.

— Насть, перестань нервничать, — простонала Ангелина. — Все со мной нормально. Нос лучше почешу...

— Ладно-ладно, — и я принялась начесывать ей нос. — Так?

— Сегодня вам нужно лежать и отдыхать, — улыбалась медсестра. — Ходить начнем позже. Доктор придет во время утреннего обхода.

— Спасибо, — закивала я.

— Ты в порядке? — прокричала Ангелина, когда медсестра удалилась.

— Я? — удивленно прохрипела я. — Конечно.

— А так и не скажешь. Ты так переживаешь, что неизвестно, кому хуже, — проворчала она. — Можно еще воды?

— Рита вчера приезжала, — заметила я, настороженно наблюдая за племянницей.

— Я вижу, что ты в пижаме с единорогами, — усмехнулась она. — Только Рита тебе могла ее привезти.

Я улыбнулась и прерывисто вздохнула.

— Что доктор сказал?

— Что все нормально будет, — с готовностью доложила я. — Понадобится реабилитация.

При воспоминании о Радиславе я поежилась.

— Что такое? — насторожилась Ангелина.

— Ничего. Просто не выспалась.

— Ну так ложись спать. Все равно валяться здесь. Или на работу поедешь?

— Нет. Надо позвонить и сказать, что меня не будет, — рассеяно сообщила я, уверенная, что мне предложат уволиться вместо того, чтобы дать отпуск по уходу за сестрой. Но было все равно.

— Настя, ты можешь ехать на работу, если нужно, — обеспокоилась Ангелина. — Не надо со мной тут сидеть.

— Сегодня я буду с тобой, а завтра посмотрим, — отрезала я.

— Я бы поняла, если бы мы в государственной больнице лежали, но тут вряд ли придется выпрашивать помощи. Ты зря переживаешь.

Я посмотрела на нее, но промолчала.

— А еще — это должно быть очень дорого лежать тут, — нахмурилась Ангелина.

— Об этом можешь не беспокоиться. Ты попала в какую-то программу страхования, и наше тут пребывание и лечение бесплатное.

Ангелина округлила глаза.

— Насть, ну не надо только мне врать! — возмутилась вдруг. — Ты со мной носишься, как мама! Я уже взрослая, и могу справляться с любой новостью!

— Я не вру, — спокойно сообщила я, стараясь не показывать, как задела ее слова. — Можешь спросить у доктора, который придет тебя обследовать.

Ангелина насупилась, но промолчала.

— Позвонить Гарику?

— Сама ему напишу. — И она поморщилась.

— Очень больно?

— Ноет. Нормально. Переживу.

— Ладно. Телек будешь смотреть?

— Нет. Спать хочу.

— Хорошо, отдыхай.

До завтрака мы не разговаривали. Ангелина дремала, а я поглядывала на нее, снова не в силах сосредоточиться хоть на чем-то. Звонить на работу не хотелось. Начальница меня невзлюбила сразу, хоть и зачем-то наняла. Резюме у меня действительно было впечатляющее, но только и всего. Укра-

шать его достижениями в последней компании я не горела желанием, как и во всех предыдущих последние полгода. Я написала начальнице сообщение, что в больнице. И приписала, что могу уволиться, если с этим возникнет проблема.

Радислав явился сразу после завтрака. Выглядел так, будто спал всю ночь, а не навещал пациентов ближе к утру.

— Как самочувствие? — поинтересовался он у Ангелины.

— Нормально. Рукой стараюсь не шевелить.

— Как боль? Терпимо?

— Да.

Я стояла с другой стороны кушетки, пока они беседовали, и украдкой поглядывала на Радислава. Ему на вид было чуть больше тридцати, либо он просто хорошо выглядел. Даже очень хорошо. Сегодня я могла соображать гораздо лучше вчерашнего, и не могла не заметить, что костюм ему шел не меньше врачебной формы, но особенный шарм ему придавали внешняя холодность и жесткость. А еще у него были ярко-синие глаза. Никогда таких не видела. И пахло от него очень приятно. Наверное, его тут обожает вся женская часть персонала.

— Отдохнули? — поинтересовался он, снова не взглянув на меня.

— Да.

— Хорошо. — Он стянул стетоскоп, и перевел на меня взгляд. — Меня все устраивает в состоянии Ангелины. У вас есть вопросы?

— Пока нет.

— Правда, что меня оперировали бесплатно? — вставила Ангелина.

Я закатила глаза.

— Правда. Еще вопросы?

— Почему?

— По программе страхования. И по знакомству.

— Вы знакомы? — вздернула она брови и перевела на меня взгляд.

— Да, — ответил Радислав, — встречались однажды.

— Вы встречались с моей тетей?

— Мы виделись на работе, — усмехнулась я. — Радислав Романович — близкий друг моего бывшего начальника. Он уберег меня от сломанного носа, поймав в лифте прежде, чем я пропахала ковер лицом.

Ангелина рассмеялась.

— Ну как еще Настя могла познакомиться с мужчиной? — усмехнулась она. — Она у нас вообще никого перед собой не видит. Вся в работе! Дома — то же самое. Конечно, она могла только упасть в ваши руки. Вы попьете с ней кофе?

— Конечно, — серьезно кивнул Радислав, будто мы уже давно обо всем договорились.

— Отлично! — просияла племянница.

— Ангелин, — просипела я смущенно, не зная, куда девать глаза, — спокойно...

— Тебе нужно переключиться с меня на заботу о себе,

— поучительно сообщила она. — Так пишут во всех умных книжках по самопознанию. Только тебе их читать некогда.

— Это побочное от обезболивающих? — поинтересовалась я у Радислава, смущенно потирая лоб.

— Быть может, — усмехнулся он слабо. — Но волноваться не стоит. Ангелина испытала стресс вчера и продолжает его испытывать. Желание поговорить — один из способов его снизить.

— Нет, желание снизить стресс у Насти — вот что мне нужно, — возразила она. — Потому что только так стресс снизится и у меня.

— Я поняла, — фыркнула я. — Мы это обсудим, ладно?

— Заберите ее на кофе, пожалуйста, — взмолилась Ангелина. — Чтобы она не обсуждала со мной ничего.

— Обсуждать личные проблемы с близкими важно, — возразил Радислав. — Но это действительно может подождать. Пойдемте выпьем кофе, Анастасия Алексеевна?

— Хорошо, — сдавленно просипела я, бросив гневный взгляд на Ангелину. Та помахала мне рукой, а потом показала большой палец вверх.

— Простите, — пролепетала я, семена за Радиславом в коридоре, и только тут осознала, что все еще в пижаме с единорогами.

— Вам не за что извиняться. Пойдемте. Заодно покажу вам, где кафетерий.

Я направилась за ним, обреченно вздохнув.

— Вы, должно быть, не спали сегодня, — заметила, когда он нажал кнопку лифта.

Он усмехнулся, неожиданно меняя тему:

— Вы очень не похожи на ту, которая вбежала в лифт полгода назад.

— Вы тоже не похожи на того, кто не представился тогда в ответ. Наверное, вы знали, что Страхов создал вам псевдоним, но не запомнили его, — усмехнулась я.

— От вас, наверное, сложно что-то скрыть, — улыбнулся он. Впервые на моей памяти. — Может, поэтому Ангелина хочет, чтобы вы расслабились и перестали выискивать у нее признаки проблем?

— Я просто ее люблю и боюсь потерять, — пожала я плечами. — Но, наверное, нужно принять, что она уже взрослая, да.

— А где ее отец?

— Он бросил их еще до рождения. Мы с сестрой растили Ангелину вдвоем.

— И когда вы остались с этим одна?

— Три года назад.

Мы вышли из лифта и направились в кафетерий, к которому бы безошибочно привел яркий запах кофе. Радислав предложил мне сесть за столик у окна, а сам направился к стойке.

Я устроилась в кресле и бросила взгляд на город. Лето. Пыльное, серое, влажное и грязное потопило его в духоте и

нервной суете людей. Никто еще никуда не уехал, все заканчивали дела и носились в последнем рывке перед отпусками. Может, мне тоже взять отпуск и умотать с Ангелиной на море? Сменить обстановку, развеяться, разобраться в себе...

— Держите. — Радислав поставил передо мной чашку и сел напротив. — Анастасия Алексеевна, я должен вам кое-что сообщить. Теперь, когда я понимаю, что вы — единственный ответственный за Ангелину взрослый.

Я подобралась, уязвимо обняв чашку, будто она поможет мне удержаться в равновесии.

— Травма Ангелины не похожа на результат столкновения скейтбордов. Кость предплечья пострадала от столкновения с чем-то более тяжелым. Учитывая историю вашей семьи из когда-то трех, а теперь двух человек, думаю, Ангелина побоялась вам сказать, что ее сбила машина. Несколько синяков есть и на ребрах.

— Но... мне же звонили из школы, — шокировано пролепетала я.

— Возможно, она вернулась в школу. Шок дал ей силы добраться до нее, если это случилось неподалеку. А потом уже могли и вызвать скорую.

— Но с нами был парень, который признался...

— Ему вряд ли что-то будет, если вы не заявите. Вероятно, он по-настоящему дорожит Ангелиной. А, скорее, не осознает, что повлечет за собой такое признание...

— Да он сидел вчера весь вечер в телефоне! — вырвалось

у меня глупое.

— Сейчас — это способ молодежи уйти от неприятных эмоций. — Он сделала паузу, ожидая новые возражения, но я молчала. — Ангелина поправится — это главное. Но она боится беспокоить вас больше, чем последствий от такой ситуации. Ангелина вас очень любит.

Я судорожно закивала, переживая прилив эмоций. Стало стыдно...

— Ладно. Но нужно выяснить правду. Скорее всего, они с Гариком катались по проезжей части. Я ее уже ругала за это, но Ангелина будто нарочно ищет неприятностей именно на дороге.

— Она их нашла, — серьезно резюмировал Радислав. — Вам нужно подумать, как ей помочь.

Я кивнула.

— Спасибо, что сказали.

— Это снова всего лишь моя работа, — сухо ответил он. — А теперь вынужден вас покинуть, пора работать.

— Вы спите когда-нибудь? — неуклюже пошутила я, но он только бросил на меня взгляд и слабо усмехнулся:

— До встречи.

Глава 3

Посидев немного в одиночестве, я полезла за мобильником. Эта встреча с Радиславом, как встреча с прошлым, напомнила мне о человеке, с которым мы регулярно общались.

— Марк, привет, удобно?

— Привет, Насть. Да. Как раз выйду покурить.

Голос у бывшего помощника Страхова был уставший и полный безнадеги. Он, как и я, все не мог найти стоящую работу. Разгар нескончаемого кризиса этому способствовал. От апатии мы с Марком даже попробовали повстречаться, но идея провалилась на первом же свидании, когда мы поняли, что давно уже обсудили любовные похождения всей компании бессонными рабочими ночами в офисе, и никакой интриги друг для друга не представляем. Даже просто переспать без обязательств у нас с ним не вышло. Мы провели всю ночь на кухне Марка — пили вино, обсуждали сплетни, искали в сети бывших коллег и рассматривали фотки, пытаюсь угадать, кто куда устроился. В общем — жили прошлым, но на полную катушку.

— Как ты?

— Ничего нового. — Слышала, он медленно затянулся.

— Но я поступил на второе высшее.

— Ты не рассказывал. Поздравляю!

— Я не относился к затее серьезно, — отмахнулся он. — Открыл условия поступления, прикинул хрен к носу... и поступил.

— Решил сменить профессию?

— Да. Сейчас такое время... Ты как?

— У меня племянница в хирургии, вчера прооперировали.

— Ох, ничего себе! Что случилось?

Я коротко рассказала.

— Мда. Но она должна была когда-то начать бурную молодую жизнь...

— Но не так же... Я, кстати, вот о чем хотела поговорить. Знаешь, кто ее хирург?

— М?

— Помнишь, я спросила тебя про странного мужчину на последнем совещании, на котором Страхов объявил о банкротстве?

— Смутно...

— Ну, представитель партнеров... Он еще у окна стоял...

— И?

— Он на самом деле хирург.

— Не может быть, Настя, ты обозналась.

— Ничего не обозналась. Мы это уже с ним обсудили. Он даже прооперировал Ангелину бесплатно, потому что тоже меня узнал. Страхов, оказывается, не хотел говорить, что попросил своего друга быть рядом в тот день, и называл его «представителем партнеров», чтобы не показывать слабости...

— Не может быть, Настя, — повторил Марат. — Тот тип был Василий Евгеньевич Павлов, директор аудиторской фирмы «Альянс». Я могу тебе его страницу сбросить. О нем, о компании. Я наводил справки, конечно же, когда Страхов зачастил с ним видаться. Павлов работает директором «Альянса» уже десять лет. Как он может быть хирургом? Ты точ-

но обозначалась, а врач, должно быть, просто тебе подыграл. Ты там по потолку не бегала от беспокойства за Ангелину? Ты же с ума сходишь, когда дело касается ее.

Я слушала Марка, и все казалось сном. Еще эта бессонная ночь и страх. Может, я правда тронулась умом? Сомневаюсь. Ведь у всего должно быть свое объяснение.

Радислав назвал себя другом Страхова. Может, Страхов состряпал качественную легенду, что и компанию ему придумал, и страничку в интернете завел? Только ради чего? Чтобы тот был рядом в трудные дни под видом партнера? Чтобы никто не догадался, как самому Страхову плохо? Но зачем? Он сомневался, сливать компанию или нет?

Я не видела Радислава со Страховым прежде, а его друзей я знаю достаточно хорошо, чтобы перечислить все их имена, места работы и должности, а также марки автомобилей, на которых те ездят. Я не подумала об этом сразу, но виной всему стресс. Вчера мне было все равно, кто будет оперировать Ангелину, лишь бы он был лучший. Но теперь понимала, что тут что-то было не так.

— Ладно, я погуглю, — заключила я. — Может, ты и прав.

— Держи в курсе насчет Ангелины, хорошо? Может, вам что-то нужно?

— У нас все есть, спасибо.

— Хорошо, я тогда позвоню завтра, ладно?

— Ладно.

Когда я опустила мобильник, он пикинул входящим.

«Анастасия Алексеевна, вы уволены».

— Ты пьешь кофе с пациентами? Не видела такого раньше.

Лола поежилась на прохладном ветру, и ее укладка разлетелась с очередным сильным порывом. Лето в Москве не баловало теплом.

Я сделал очередную затяжку и выдохнул дым, не заботясь, куда его кинет. Я не приглашал Лолу присоединиться на балкон, но она продолжала играть в игру, в которой мы встречаемся. Выглядело это нелепо, но мне было все равно.

Я думал о Насте. И ее сестре. Меня беспокоило, что Настя могла не удовлетвориться моими объяснениями этих странных совпадений — я и она в том лифте...

— Радислав...

Ну кто бы мог подумать, что мы можем еще раз встретиться?

Это плохо. Настя станет проблемой.

— Ты меня слышишь?

А еще я думал о ее сестре. Девочка могла специально упасть под машину...

— Ты отдохнул?

— Я не устал, — равнодушно бросил Лоле, щурясь от холодного солнца.

Мне нравились эти переживания. И опасность, которая исходила от Насти. И мысли о ней самой. Когда вскрыва-

ешь человеческие души также просто, как режешь скальпелем тела, чувства атрофируются. Меня мало что радует, почти ничего не доставляет удовольствия. Кроме тех моментов, когда я побеждаю в операционной. А тут вдруг...

...я чувствую.

Будто мне нюх вернули после долгой атрофии нейронных цепочек...

Насте выпала нелегкая судьба — остаться одной с не собственным, но родным ребенком. Беспомощность? Да, она солировала в ее эмоциях. Когда ты — не мама и никогда ей не станешь, а обязанностей у тебя теперь за всех — и за мать, и за отца, и за сестру. Конечно, она перегибает. И не справляется. Если Ангелина навредит себе сильнее, Настю это раздавит...

Что же будет дальше?

Что меня еще развлекало? Вот такие жизненные ребусы. Я будто смотрел на игральную доску, на которой партия была в полном разгаре, и пытался предположить следующий ход. Только это не шахматы. Игроки могут сходить одновременно. Или один может ходить бесконечно много раз, а другой — не двигаться вовсе.

Именно в такую игру со мной играла Лола.

— Ты сегодня ночью устроил себе полноценное дежурство, — укоризненно заметила Лола.

— Я разве обязан тебе отчитываться?

— А кто о тебе еще позаботиться?

Я не ответил.

— Радислав, я еще хотела поговорить кое о чем. Ты обозначил пребывание этой пациентки с родственницей, как благотворительное...

— И у кого с этим проблема?

— Денис просил с тобой поговорить...

Еще одна вгоняющая в тоску личность в управляющем аппарате клиники — мой компаньон и финансовый директор Денис Прохоров. Да, ему не нравилась благотворительность. И тот факт, что деньги в клинику приносит все же не он, его раздражал. При мысли о нем меня передернуло. С ним встречаться, как лезть в болото...

— Он разучился говорить сам? — риторически поинтересовался я, морщась.

— Ты его не слушаешь.

— А тебя я разве слушаю?

Взгляд Лолы обижено дрогнул. Она отвернулась, вытащила сигарету и кое-как прикурила.

— Что-то нашел в этой пациентке? — выдохнула она с первой порцией дыма.

А я подумал, что и правда устал. Вот от таких картонно-бумажных персонажей в своей жизни.

— Быть может.

Она усмехнулась.

— И зачем ты так?

— Зачем что?

— Ты специально делаешь мне больно, — заявила она.

Добилась, к слову сказать, моего удивления. Разве «картонной кукле» бывает больно?

— Ты меня подчеркнуто игнорируешь.

— Почему я не могу тебя игнорировать?

— Потому что ты со мной спишь.

— Я не сплю. Я переспал. Это — большая разница.

— Не понравилось?

— Теперь ты питаешь иллюзии.

— Я с тобой работаю два года. И не питаю иллюзий. Но я надеялась, что заслуживаю большего. Я и заслуживаю! А ты, Радислав, — холодный безразличный одержимый работой мужик! Ты вообще один! Неужели не хочется что-то поменять в своей жизни? Чем я тебе не подхожу? Я всегда рядом, готовая ради тебя на все. Уйти? Отлично! Прийти и погладить? И снова я рядом! Думаешь, я не знаю себе цену?

На какую-то секунду я поддался и представил, как перестал чувствовать эмоции других людей и смог просто с кем-то жить... Понравилось бы мне? Не знаю. Я настолько привык жить так, как живу, что даже не помню, было ли когда-то иначе?

— Все время отмалчиваешься, — бессильно злилась Лола. — Стоит с тобой заговорить, ты уходишь в себя.

Нет, проблема не только в ней. Проблема у меня была со многими женщинами. Я вращался в кругу таких, как Лола. Какую-то часть своей жизни. Потому что большая ее часть

— это моя работа. Отношения с теми, с кем я работаю, для меня табу. Зачем я переспал с Лолой? От отчаяния, не иначе. Хотя, если бы кого-то нашел, все табу полетели бы к чертям.

— Что такого в этой пациентке, может просветишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.